

Имя автора будет оглашено в Итоговом протоколе конкурса.

Разбег

Бежать за ней? Но перрон конечен.
У провожающих краток путь.

Когда разжевано все, но нечем
в утробу черствое протолкнуть,
дополни стук ее слез по рельсам
нытьем турбин.
Это пошлый ёрш,
но лишь разбавив ближайшим рейсом,
отход состава сполна глотнешь.

Нальешь от трапа до самой кромки,
оттянешь ворот под кадыком,
и вряд ли выйдет глоток негромким,
когда проскочишь в салон, как ком,
но не успеешь расправить плед, как

метнет тебя полосы праща,
и стюардесса на спас-жилетках
научит первым – себя прощать.

Поднимешь спинку, ремень защелкнешь,
винтами ёрш перекрутит в фарш,
и о перроне напомнит счет лишь
осиротевшей графой "за фальшь".
В момент отрыва шасси от шанса
иная редко доступна снедь.

Успей до вылета надышаться,
до отправления опьянеть –
когда закроются туалеты,
и петли свяжутся из ремней,
уже не выдохнешь о себе ты,
чтоб захлебнуться, глотнув о ней.

Преломление

Девятым накрыться бы валом,
к морскому бы черту на суд нам,
но в небе таких не бывало,
не тонет крылатое судно.

Нас накрепко в палубу вшили
ремнями от борта до борта:
тут профиль не тянет на шиллинг,
там фасы привыкли к апортам,
но в помыслах – бюст продавщицы,
в характерах – гибкость матраца,
и каждый готов приобщиться,
к чужому непрочь подобраться.

Чудно преломляются лица
в беспошлинных порциях пива.
Склоняется бортпроводница.
Блестяще.
Маняще.
Брезгливо.

Приземление

На свет пробиваться из ямы с компостом
непросто. Трещит, поддается короста,
вселяя надежду, что кто-то оценит

микронные муки в ладони от цели –
в неделях от зелени близкой аллеи.

Но стоит ли биться? Пускай не светлее,
зато не в пример безмятежнее в яме,
где жук не наглее червей с муравьями,
личинки не учатся морщить личины,
а счастье не кажется неизлечимым,
как там, где при первых симптомах потери
в теплицы нас кутают, чтоб пропотели.

Колючки упрямы? Побег ретивы?
Отбрось ты причины, предлоги, мотивы,
своим дорожи, на чужое не зарясь,
держа преклоненными венчик и завязь
под слоем доступного, сытного шлака,
чтоб горькой росой по тычинкам не плакать,
когда к распутившейся бархатной коже
потянется нежный садовничий ножик.

Милее нечутких лопаток и леек,
он место надреза целует, лелеет.
Таким подставляется стебель покорней.
Такие отхватят по самые корни
и – рыльцем в свое же, которым пропитан,
чтоб впредь ни репризы тебе, ни репита.

Но выход свободен. И вход не завален.
И вроде не вырвали, только сорвали.
И снова так мало простора для паник,
что веришь – прорвусь, был бы счастлив ботаник.
Пускай улыбнется, как раньше, и режет.

И он улыбается. Только всё реже.
И счастлив. Но тоже как все – временами.
Пока мы собою компост приминали –
вьюнок, подорожник, пырей, слой за слоем –
сажал он герань, поливал он алоэ,
просил он: "Оставьте аллеи в покое.
На что им настырное счастье такое."

Чем чаще к поверхности рвется отросток,
тем больше компоста, тем толще короста,
и если бы ямы не рыли мы сами,
бульвары давно заросли бы лесами.

Дорогие российские авторы!
Теперь Вы можете легко оказать дружескую помощь нашему portalу.

[Спонсор: БИЗНЕС-АКАДЕМИЯ АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА](#)

СП